

ТУМАН
НАД
ОКОЛИЦЕЙ

Татьяна Алексва

Москва 2022

Татьяна Алеева
Туман над околицей

«Автор»

2022

Алеева Т.

Туман над околицей / Т. Алеева — «Автор», 2022

Может ли быть любовь после «первой любви»? Мари — девушка из крепкой дворянской семьи. Ее беззаботные дни наполнены играми в «па де жеант», сплавами на байдарках, постановками в домашнем театре и посиделками с самоваром на веранде усадьбы. У неё несколько претендентов на руку и сердце. Но ответит ли девушка кому-то из них взаимностью? Впереди Первая мировая, революция и Гражданская война. Кому из героев суждено умереть, а кому — обрести любовь всей своей жизни? «Туман над околицей» — это книга о любви, пронесённой сквозь года, о выборе между долгом и комфортом, а также о той прекрасной утраченной России, какой была наша страна до революции.

© Алеева Т., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Алеева

Туман над околицей

Глава 1

Март 1907 года, Москва

Катерина порхала по гостиной, поминутно бросая взгляд в зеркало. В нем она видела девушку шестнадцати лет, с белокурыми волосами, голубыми глазами и легким нежным румянцем, который всегда присутствовал на ее прекрасном лице. «Создал же Бог такую красоту!» – думала она, глядя на себя.

Соня сделала ей прическу по последней моде, как у великих княжон, и ей не терпелось увидеть, какое впечатление произведет это на Георгия. Теперь, когда они не виделись полгода, он наверняка уже успел решить со своей семьей вопрос об их свадьбе. Катерина и Георгий условились, что об их тайной помолвке никто не узнает до тех пор, пока двоюродный дядя Георгия, граф Сергей Петрович Павлов, не даст добро на брак. Других родных у Георгия не было. Сергей Петрович же был человеком высокого положения в обществе, имел огромное состояние, важные связи, а потому от него во многом зависело будущее Георгия.

Последнее письмо от жениха Катерина получила в январе, а нынче был март. Отсутствие писем девушка оправдывала тем, что Георгий по природе своей был немногословен – он человек дела. Все между ними уже было оговорено: его любовь к ней, их планы на будущее, включая путешествия и переезд в Петровское, год назад построенное по проекту именитого итальянского архитектора.

В коридоре послышались быстрые шаги маленьких ножек и веселый девичий смех. Дверь открылась, и Катерина увидела свою веснушчатую восьмилетнюю сестренку Марию, позади которой тяжелыми шагами, ступать которыми мог скорее отставной генерал, нежели молодой человек двадцати двух лет, шел Георгий.

– Катерина, вот он наконец! И судя по счастливому виду, у него хорошие новости! – сказала девочка, подмигнув сестре.

Георгий опустил глаза, а затем снова их поднял и посмотрел на Катерину, потому что так было нужно, но было заметно, что ему этого совсем не хотелось.

– Мари, переоденься, тебе вовсе не идет этот цвет! – торопливо прошептала сестре Катерина, понимая, однако, что сказанное ей было услышано всеми присутствующими.

Девушка тотчас замолчала, сделав вид, что смущена, когда глаза ее встретились с глазами красивого, статного, одетого по последней моде молодого человека.

– Ты не поверишь, что у нас случилось на прошлой неделе! – зашебетала Катерина, обращаясь к Георгию. – Мари наша чуть не сбежала в монастырь грехи замаливать, представляешь? Ведь спланировала все заранее! Потихоньку собирала узелок с провизией, уже готова была к побегу, но рассказала все Верушке, а та, конечно, выболтала.

Мари покраснела.

– А разве у этого маленького ангела могут быть грехи? – улыбнулся Георгий.

– Я... конфеты стащила у Веры как-то раз. – Потупила глаза маленькая Мари.

– Все нянина наука! Наша старушка Ильинична напугала ее Страшным судом, – подхватила Катерина.

Глядя на маленькую Марию, совсем невозможно было поверить, что эта хрупкая девочка целый месяц готовила план побега. Много в ней было еще детской непосредственности, чего-то совсем ребяческого, отчего в ее присутствии у всех неизменно поднималось настроение. Она

была любимицей родителей, но эта любовь нисколько не испортила ее характер, а, напротив, сделала ее доброй по отношению ко всем. Никто и никогда не казался ей плохим.

– Сыграем вместе на рояле? – Взмахнула ресницами Катерина, одарив Георгия своим самым впечатляющим, как она считала, взглядом.

– Пойдемте, Мария, – сказала Мари гувернантка Соня, почувствовав, что надо оставить Георгия и Катерину наедине.

* * *

За обедом все сидели молча. Георгий поминутно посматривал на часы с кукушкой, висевшие над сервантом из красного дерева, будто ожидая, когда уже пройдет достаточно времени для того, чтобы правила приличия позволили ему покинуть дом Ранневых. Наконец Владимир Андреевич, глава семейства, бодрый мужчина тридцати шести лет, нарушил молчание и, прижав своему голосу напускную веселость, спросил:

– Значит, вы планируете первое время остановиться в Париже у Воронина? Передавайте ему привет. Мы не виделись со студенческих времен.

– Хорошо... стало быть, передам.

В столовую влетели раскрасневшаяся растрепанная девочка лет пяти, а за ней мальчик, который казался ее ровесником, но был на самом деле на год младше нее. Лицо мальчика было перемазано красками, и виновницей тому, судя по его недовольному пыхтению и взглядам в сторону девочки, очевидно, была его сестра. Это были Вера и Сережа, младшие дети Ранневых.

По тому, как Сережа принялся рассматривать столовые приборы, было件нятно, что он привык обедать в детской и сажать его за общий стол стали не так давно. Не успел он разобраться с вилками, как вошедшая в столовую гувернантка поспешила увести его для того, чтобы умыться.

– Мама, мама, это правда, что мы на следующей неделе поедем в Петербург? – весело протараторила девочка, подкармливая под столом колли, который довольно вилял своим пушистым хвостом. Она делала это как бы незаметно, что было очень забавно, ведь о том, что Вера втайне кормит своего любимца Фреда, знали все, начиная от мамы, Елены Алексеевны, приятной женщины с большими добрыми глазами, заканчивая кухаркой Аксиньей, которая всегда накладывала младшей барышне самую большую порцию.

– Да, дорогая, твоя крестная ждет нас всех на именины. Но Фреда на этот раз мы с собой не возьмем. У тети Лизы станет плохо с сердцем, если вы снова накормите ее гоголь-моголем, который продегустировал Фред, – Елена Алексеевна сказала это будто бы строго, но в блеске ее лучистых глаз отражалась бесконечная любовь и снисходительность к проказам малышки, и было件нятно, что ругать, а уж тем более наказывать детей ей несвойственно. Глаза эти смотрели так спокойно, что не было в них ни укора за детские шалости, ни малейшего недовольства чем бы то ни было, – лишь свет и радость.

Вера и Мари переглянулись и еле сдержались, чтобы не расхохотаться. Сережа вернулся в столовую и, радостный, совершенно забыв о привычных шалостях сестры, принялся наконец за свой бифштекс.

С появлением в столовой младших детей атмосфера несколько разрядилась, все почувствовали некое облегчение и спокойно продолжили разговор на тему последних новостей в стране и мире, театральных постановок в Московском художественном, новинок у Елисеева и прочем.

Когда обед был кончен, Катерина сказала, что чувствует себя дурно и прошла в свою комнату. Елена Алексеевна удалилась в детскую с младшими детьми, а Владимир Андреевич и Мария проводили Георгия до выхода.

– Думаю, что служба в дипломатическом корпусе пойдет на пользу вашей карьере. Я даже уверен, что вы сможете добиться головокружительных успехов.

Георгий замялся, не зная, нужно ли что-то говорить, и просто кивнул. Хоть в том, что помолвка была разорвана, и не было его вины, ему было не по себе.

Он поправил воротник и с улыбкой посмотрел на Марию.

– Я хотел бы оставить вам эту игрушку в память обо мне. – Он протянул маленькой Мари фарфоровую куклу в прелестном розовом платьице, с ниткой жемчуга на маленькой шее, точь-в-точь такой, какая была у маленькой Марии. – Мне будет не хватать вашего звонкого смеха и игр в шахматы.

– ...в которые я всегда проигрываю.

– Наверное, потому-то мне так нравится с вами играть. – Георгий грустно улыбнулся. – Ну, до встречи, мой маленький друг.

Глава 2

Май 1907 года, с. Пустынь Горбатовского уезда, Нижегородская губерния

Красивая молодая женщина вела пятилетнюю девочку за ручку. Рядом с ней, то и дело поправляя сползающие порты, шел мальчик лет десяти с котомкой и рабочим инструментом за плечами. Они подошли к дому напротив церкви, постучали в открытое окно. День был по-июльски жарким, пахло цветущей в палисаднике сиренью. Выглянула хозяйка:

– Здравствуй, Агафья!

– Здравствуй, Дарья! Нет ли работы какой?

Дарья вышла из дома с девочкой лет восьми, которая несла в руках глиняный горшочек с молоком и еще теплую лепешку. Она угостила детей и присела с ними на травку под дерево.

– Новостей о Федоре нет? – спросила Агафью подруга.

– Тебе, Дарья, скажу, только ты уж сохрани: прислали бумагу, что пропал без вести.

– Как же вы теперь?

– Да вот за два года не пропали. С осени работа будет: батюшка твой, отец Михаил, дай Бог ему здоровья, открывает при приходе в нашей деревне класс, меня берет учительницей. Но это с осени, а пока...

– Ты пойдешь в Н-ское, говорят, дачники наши, кормильцы, приехали. Как раз лето и протянешь. – Дарья вздохнула, сочувствуя подруге, и, глядя куда-то вдаль, добавила: – А ведь не должен был твой муж на войну эту окаянную попасть. Говорят, брат твоей подруги Лизы Шереметьевой постарался: все никак простить тебе не может, что ты, поповна, ему, благородному, отказала.

– Бог ему судья. Проживем.

Мать с мальчиком стали пилить и колоть дрова, а маленькая Анна уснула под деревом.

* * *

Агафья уже несколько лет занималась то к одним, то к другим господам. В их краях было не так много богатых людей, но уезжать из родного села ей не хотелось: хоть их маленького участка и не хватало для прокорма, она верила, что, может быть, однажды ее муж Федор, значившийся без вести пропавшим на русско-японской войне, чудом вернется домой. С Агафьей ходил на подработку ее десятилетний сын Николай, которого в деревне звали Колеем, чтобы отличать от других ребятшек: Николаи в ту пору были в каждой семье. Когда Агафья узнала от Дарьи, что Ранневы приехали на лето в их края, она на следующий же день после их приезда пришла в Н-ское.

– Приветствую, Агафья, – сказал седлавший молодого коня конюх Данила, как только женщина с сыном зашли во двор. – Уже проснулись, можешь проситься. Ну, Бог тебе в помощь...

– Ты стой тут, Николка, – быстро сказала она сыну, перекрестилась и, постучавшись, вошла через знакомую ей обшарпанную заднюю дверь в старый, но красивый дом, сохранивший все признаки былого богатства хозяев, несмотря на то, что никто этим домом почти не занимался.

Все здесь казалось женщине невероятно роскошным, ведь большей роскоши в своей жизни она никогда не видела. Когда открывшая дверь горничная узнала о цели визита Агафьи, она велела той подождать, и женщина покорно уселась на предложенный ей стул. Ей казалось, что она ждала целую вечность. Наконец она услышала ровные женские шаги.

– Должно быть, идет. – Агафья раскраснелась от волнения.

Тем временем во дворе Данила продолжал готовить коня для средней барышни, Марии. Конь был молодой, статный, с атласной переливающейся шкурой и шелковистой гривой. Казалось, что он вот-вот сорвется в галоп, обгоняя ветер.

– Эй, Дуня, пойдика сюда, – сказал он маленькой Евдокии, дочери Перфилия, диакона Пустынской церкви. Дуня приходила к белошвейке Ранневых, чтобы учиться шитью, и заодно помогала горничной с сервировкой обедов и ужинов.

– Ты со средней барышней одного роста же? А ну-ка садись на Капитана, проверим, подойдет ли ей эта лошадка или другую готовить. Да не бойся, он смирный, послушный. Молодой, конечно, но я его еще обучу.

Дуня послушно залезла на коня. Верхом она была впервые. Данила взял Капитана под уздцы и повел по двору.

– Ну как, нравится тебе? – спрашивал он то и дело радостную Дуню, которая уже представляла себя барышней. Очень ей шла обстановка усадьбы, и сложена она была не по-деревенски, хотя по девочке восьми лет особо и не скажешь, какого она сложения. Дуня была невероятно счастлива. С Капитана совсем по-другому виделась ей и деревня внизу, вдалеке, и река, и...

– Эй, Данила, – позвал конюха кто-то из слуг, – тебя барин спрашивает.

Данила скорее побежал в дом. «И какое у него может быть ко мне дело? Не иначе как посоветоваться хочет по поводу покупки коня. Надумал-таки. Уж лучше меня-то в этом деле советчиков не сыщешь», – думал он, совсем забыв о сидящей на Капитане Дуне...

А Дуня все радовалась своему новому положению. Вдруг она услышала, что кто-то присвистнул. Девочка оглянулась и заметила стоящего рядом с дверью Николку, которого она до этого ни разу не видела. Николка смотрел прямо ей в глаза и улыбался своим добрым, простодушным взглядом.

– Чего, барышней себя уже вообразила? Слезть-то сможешь? Поди и не умеешь с лошадьми-то обращаться. Давай, помогу, – предложил он и, не дожидаясь ответа, направился в ее сторону.

Но Дуне стало вдруг стыдно за то, что кто-то прочитал ее мысли. Да, она не дворянка, а поповна. Но эта деревенская жизнь, эта еда из общей миски, это пьянство в святые праздники, грубости, побои – все это не для нее. Она вырастет и уедет в епархиальное училище, тятя обещал. Она будет много читать, выучит французский, может быть, даже научится играть на рояле. Ей хотелось убежать, уехать из этой деревни, где она была как чужая: почти никто из ее деревни, кроме Агафьи, не умел читать, да и не хотел – летом некогда, страда, а зимой темнеет рано, станут они еще лучину для чтения зажигать. А у Дуни дома хоть и тоже не всегда было сытно, но книги были, тятя любил читать. У нее дома всегда будет красиво – кружевные салфетки на столе, аромат свежесорванных цветов. Она будет шить себе платья, утонченные, благородные, по моде, себе и детям, мужу рубашки вышивать. Не зря же она учится шить.

«Нет, такая дерзость, я ему покажу», – подумала она и прищипорила коня. Она видела, как всадники прищипоривают коней, и со стороны ей казалось, что нет особой науки в том, чтобы управлять лошадью, особенно молодым конем, вышколенным Данилой, лучшим конюхом в округе. Капитан игриво взмахнул хвостом и, радостно обежав двор, перепрыгнул через забор и поскакал вниз, с холма, на котором стоял дом. У Евдокии кружилась голова. Она не могла понять, что происходит. Управлять лошадью, несущейся с крутого холма, она не могла, да и держалась она на ней тоже из последних сил. Она слышала только какие-то крики на дворе и женские вздохи «Капитан понес!», в то время как кто-то резко остановил коня. Она уже ничего не видела. Тело ее безжизненно висело на Капитане, который уже как ни в чем не бывало мирно и спокойно шел шагом на двор.

– Врача, врача позовите, Евдокии плохо! – В доме был переполох.

* * *

– К сожалению, думаю, работы для вас нет, – сказал управляющий усадьбой Агафье.

– Ну, может, хоть сына... Десять ему. Он... сильный, ловкий очень. С конями управляется не хуже самого Данилы! Подход к ним знает. И рукастый такой парень. Починить что... или сделать. Калоши умеет лить... Он и грамоте обучен! Да я и сама читать-писать умею, у нас в деревне и не сыщешь грамотных-ти.

– Спасибо, но в помощи по дому сейчас нет нужды. – Управляющий посмотрел на Агафью поверх очков таким взглядом, что она поняла: пора уходить.

* * *

Вечером в доме Коньгиных было тихо. Не пела мать за работой, дети тоже притихли, чувствуя, что скоро снова станет голодно. Деньги с предыдущих заработков заканчивались, еда тоже. Год был неурожайный, а надежды на работу в доме Ранневых не оправдались. Вдруг Агафья услышала стук по окну и открыла его, впустив майский воздух с запахом цветущей яблони.

– Чего тебе, Сенька? – сказала она веснушчатому деревенскому мальчику, стоявшему под окном.

– Да вот, письмо тебе, тетенька, передали от Ранневых.

В письме, написанном самой Еленой Алексеевной, было сказано, что вся семья Ранневых очень благодарна Агафье за то, что «Николай спас жизнь нашей дорогой Евдокии», и что ее ждут на работу на кухне, а Николая – на двор, если они будут на то согласны.

Глава 3

В Н-ское пришло лето. Было оно в тот год таким жарким, какого давно не помнили.

Мария, любившая особой пламенной любовью свои леса, которые считала родными, ведь Ранневы проводили здесь каждое лето, ежедневно вставала в половине шестого, чтобы сбегать с Евдокией за земляникой и вернуться к завтраку. О том, что она ходит в лес, знала из домашних только няня.

Как же нравились девочкам эти лесные прогулки!.. Лес ранним утром просто волшебный... Идешь в платочке и в фуфайке, чтобы комары не так сильно кусали. Кусать будут все равно, но не заметишь даже: увлечешься красотой леса и запахом земляники, а еще же набрать ягод хочется побольше... Часа через три устанешь и идешь назад. Берестяная набирка¹ уже полная, а сапоги, которые на два размера больше, спадают, но ты безумно доволен, что сейчас будешь есть самую вкусную похлебку у тети Маруси. Тетя Маруся была одинокой старушкой, которая жила в крайнем к лесу покосившемся домике. Ее частенько навещала Елена Алексеевна, принося ей корзины с продуктами. Ей же девочки приносили из леса все собранные ягоды, из которых тетя Маруся варила компоты и варенья, с ними же пекла пироги. А знаменитая похлебка делалась так: наливали в миску свежей воды из Ташлаевского колодца, славившегося самой вкусной водой, клали землянику и засыпали сладким «песком».

¹ Набирка – берестяное изделие для сбора и переноски ягод.

Девочки развели самые ягодные поляны, которые им когда-то показал Осип, старик семидесяти двух лет, проживший в этих местах всю жизнь: «Как пойдешь за реку, так там ой как много можно земляники-то напущить. Я вам потом еще лучше место покажу – Елькину рощу. Там вот такая будет! Самая спелая!» Ежедневно в течение двух недель девочки ходили

по ягоды с Осипом, после чего решили, что готовы собирать землянику без старичка, которому тяжело уже было далеко ходить.

Как весело было подружкам бежать, взявшись за руки, по влажным от утренней росы тропкам! Нюска, черно-белая кошечка, всегда спавшая с Марией и с ней же просыпавшаяся, бежала до опушки леса за девочками, а потом, помурлыкав, оставалась ждать их всегда на одном и том же месте, в тени большой ели. Там она вальяжно лежала, время от времени лениво помахивая своим красивым пушистым хвостом. Вокруг, в разнотравье, суетились шмели и пчелы, перелетая с цветка на цветок. Луга были полны белых ромашек, синих васильков и розовых «часиков». Луговая гвоздика, которую деревенские называли «часиками», была на лугах всюду, куда ни посмотри. «Оттого и часики, что тикают», – думала Мари, принимая стрекот кузнечиков за звуки, издаваемые гвоздикой. Лишь позже, уже покинув края своего детства, она поняла, что то были песни насекомых, а часиками цветы называли то ли потому, что они по форме напоминали циферблат со стрелками, то ли потому, что цветок закрывался на ночь и в период ненастья.

Вдалеке, ближе к реке, паслось большое стадо коров. От наступающей уже с семи утра жары они совсем не хотели двигаться, а в основном лежали, прикрыв глаза. Мари и Евдокия побежали наперегонки. Им казалось, что они знают здесь каждое деревце, каждую кочку, каждую травинку. На обычном своем земляничном месте девочки провели не более получаса, наслаждаясь ароматами спелых ягод, которые этим летом уже отходили. Вдохнуть сухой жар соснового леса знойным летним утром, уловить в нем аппетитный запах земляники – это что-то особенное... Это аромат детства, который хочется закатать в банку, как варенье. Ах, если бы можно было так сделать!

Берестяные набирки обеих девочек были почти полными, но все же не добранными до краев. Уходить пустыми из лесу не хотелось.

– Это ничего, что земляника заканчивается. Мы сейчас черники наберем. – Евдокия вспомнила, что дед Осип говорил про черничные места за рощей, и было решено идти туда, еще дальше в глубь леса.

Девочки были в пути около часа, когда пришли к зарослям черничных кустов. За веселыми разговорами они не заметили, как прошло время – им казалось, что из дома они ушли не более получаса назад.

Черники было так много, что они совсем скоро набрали по целой набирке и решили идти обратно.

– Мы сейчас с тобой недалеко от Дедово, слыхала историю про тамошнее Свято озеро? – спросила Евдокия.

– Нет, расскажи, – попросила Мари. Она очень любила слушать народные сказки и легенды. Много таких сказок рассказывала ей няня, правда, зная впечатлительность Мари, мама взяла с няни слово, что та не будет рассказывать ей тех жутких и зачастую кровавых историй, которыми частенько «угощали» в ту пору няни из народа своих «выходков»².

– Даже и не знаю, с чего начать. Ну, начну с того, что на месте, где сейчас озеро, стоял раньше монастырь, в котором жили старцы, «деды», потому и Дедово. К этим старцам приезжали со всей России-матушки, но не в сам монастырь – туда никого не пускали – а в церковь, что в самом центре озера сейчас. Был у старцев подземный ход, по которому они в эту церковь из монастыря приходили. Вход в подземелье охраняла одна пожилая семейная пара. На старости лет родилась у них девочка, которую называли Настей. И вот как подросла Настя, влюбился в нее один из приезжих господ...

² «Выходками» в начале 20 века няни называли своих воспитанников.

Рассказ был длинным, и все это время девочки пробирались сквозь густой лес. Он казался совсем сказочным: мох насыщенного изумрудного цвета, заросли папоротника с наброшенной на него паутиной...

Евдокия шла впереди, потому что она лучше помнила дорогу. Мари отставала, утомленная долгой лесной прогулкой. Каждый раз, когда она ступала на сухие ветки, сердце Марии замирало: треск веток и рассказы Евдокии – все вместе производило на нее немного пугающее впечатление. К тому же дело было уже к полудню, самое знойное время, а она с утра ничего не ела, и у нее кружилась голова.

– ...и вот закинул один рыбак удочку, а она за купол зацепилась. Он его под воду и утащил.

После этой фразы Евдокии Мари потеряла сознание.

Услышав треск веток, Евдокия обернулась и ахнула, увидев упавшую подругу. Подбежав к Мари, она попыталась взять девочку на руки, чтобы нести ее в сторону дома, но, конечно, это была совершенно глупая идея: Евдокия была хрупкой, худенькой девочкой, почти ровесницей Марии, младше ее на полгода. Что делать, она не знала. Расстроенная тем, что не помнит обратной дороги, она неожиданно услышала вдалеке мычание стада. Нужно хотя бы выбраться к ним, там пастух, он поможет. «Туда!» – стучало у нее в голове. Не помня себя, пробираясь с той скоростью, с какой она только могла, ведь нужно было успеть до того, как коров поведут домой, она выбралась на поле. Коровы уже начинали двигаться в сторону деревни.

– Эй, на помощь! – закричала девочка.

Пастух обернулся, и издали девочка поняла, что это был не Гришка, который обыкновенно пас стадо, а кто-то из мальчишек. Она замахала рукой, мальчик, взглянув в сторону леса, наконец увидел ее и побежал навстречу. Это был Николка.

– Барышне плохо. В обморок упала.

Николка подбежал к девочке, молча взял Мари на руки и понес ее вниз, к реке. Евдокия последовала за ним. Там он умыл девочку. Она понемногу начала приходить в себя. Вместе с Евдокией они усадили ее в тень под иву, на которую она смогла облокотиться. Николка предложил ей воду из своего туеска³ и пирог. Вода и пища немного оживили девочку.

– Я сбегая в деревню, вернусь с лошадью и телегой. На ней довезем тебя до Н-ского.

³ Туесок – сосуд из бересты цилиндрической формы. Использовался в старину для хранения различных пищевых продуктов и жидкостей.

* * *

Завтрак – как это обыкновенно делали в жаркие дни – накрыли на веранде к десяти. На столе, покрытом накрахмаленной белой скатертью с вензелями «ВР», уже стоял кофей-

ник и чашки от Императорского фарфорового завода для всей семьи. Сдобные булочки с маком, бисквиты, гренки, ревельский тминный хлеб, печенье, бутерброды с ветчиной и холодным мясом – чего здесь только не было! Аксинья, розовощекая от своих утренних стараний, «метала» угощения на стол. Заранее она редко накрывала, чтобы мухи не налетели.

– Что-то заспалась сегодня Мария, – сказал отец семейства, беря щипчиками сахар из новенькой фарфоровой сахарницы. К завтраку вышли все, за исключением Мари.

– Верушка, сбегай в дровник, может быть, она там, с Фредом возится?

Все начали завтракать. После получаса поисков Мари по дому и окрестностям, Владимир Андреевич не на шутку забеспокоился. Няня, плача и причитая, что она всему виной, призналась, что Мари уже некоторое время каждое утро ходит по ягоды с Евдокией.

– Знал я, что ни к чему хорошему не приведет эта ее дружба с народом! – в сердцах бросил Раннев.

Все взрослые домашние, кроме Елены Алексеевны, которая осталась дома с младшими детьми, распределились на группы для поисков Мари.

Сам Владимир Андреевич пошел вниз, в сторону реки, за которой был лес с земляничными местами. Ему-то и попалась телега с лошадью, на которой ехала девочка, весело разговаривая с Евдокией.

– Завтра же мы возвращаемся в Москву. А тебя, Евдокия, я прошу в наш дом больше не приходить.

Глава 4

С самого детства Мари всегда было грустно уезжать из деревни. Хотелось напиться нектаром из чистого воздуха, разогретых жарким июльским солнцем хвойных лесов, запахов луговых трав и лесных ягод, насмотреться на каждую травинку в рассветном и предзакатном свете.

Было раннее утро. Мари сидела в купе вместе с няней и младшими детьми. Фред смешно вставал на задние лапы, чтобы развеселить девочку, но сердце ее было там, в деревне.

* * *

Тем временем Евдокия проснулась и, глядя из своего окна на туман, стелющийся по околице, обрадовалась новому дню, как всегда радовалась ему, но затем вспомнила о том, что с любимой подругой они сегодня не встретятся... Да и когда встретятся теперь – неясно. Помолвившись, вместо леса пошла она в огород, где прополоча грядки с капустой и морковью. После работы аппетит всегда был очень здоровым! Матушка накормила девочку ватрушками и любимыми опалками, которые она запила парным молоком, и девочка вместе с отцом отправилась на сенокос.

Их делянка была у леса, рядом с делянкой Агафьи.

– Гляди-ка, Дуня, Николка косит. Совсем как отец.

Увидев Евдокию с отцом, Николка схватил свою шапку и подбежал к ним.

– Смотрите, дядь Перфилий, я вон горсть малины нашел, скоро еще поспеет. Как раз рядом с нашими делянками малинник! Будешь, Евдокия? – протянул он девочке шапку. На лугах пахло сеном, и этот запах смешивался со сладким запахом лесной малины.

Дуня покачала головой и отвернулась. После всего, что произошло, Николка был для нее лишь напоминанием о ее одиночестве, о преждевременном отъезде Мари.

Перфилий поблагодарил Николая, угостился ягодами и попрощался с мальчиком, который поспешил вернуться к косьбе.

Много раз тем летом и следующим встречала Николая Евдокия – то на лаве, когда бельё в Сереже⁴ полоскала, то на лугах, – но всегда отворачивалась и делала вид, что его не видит.

⁴ Сережа – река в Нижегородской области, крупнейший приток Течи.

Глава 5

Июнь 1914 года, Н-ское

В гостиной шли оживленные приготовления к постановке, которая должна была состояться на следующей неделе. Ставили «Бесприданницу». Около месяца все, кто был тем летом в Н-ском и в соседних Прутово и Аннино, готовились к спектаклю: репетировали, учили свои роли, искали подходящие костюмы. Даже у горничной Глаши была своя задача – убирать и ставить реквизит во время представления. На языке театралов это называлось «монтировка».

Режиссировала старшая сестра Елены Алексеевны, Екатерина Алексеевна Рытова, любившая приезжать летом погостить в Н-ское. Некогда Екатерина Алексеевна была актрисой Малого театра, а потому о репетициях знала не понаслышке. Была она всегда в курсе и самых модных постановок, и самых удачных. Тем летом именно она привезла в Н-ское «мхатовскую» новинку – пьесу «Потоп» Ю.-Х. Бергера, но ставить его не решилась, а предложила играть известную всем «Бесприданницу». Буквально с порога Екатерина Алексеевна заявила, что Катерина, ее любимица, названная в честь своей тети-крестной, непременно должна играть Ларису Огудалову. Своенравной Катерине, однако, эта идея не понравилась, потому что, как она говорила, роль эта неудачная, ведь судьба героини совсем не счастливая. «Любят у нас, – рассуждала она, – трагедии. Когда-нибудь в моде будут произведения с хорошим концом». Крестной же, чтобы не обидеть, пояснила, что ей, замужней даме, не пристало играть девушку на выданье. За Виктора Катерина вышла спустя полгода после разрыва помолвки с Георгием. Он был завидным женихом, полностью устроившим ее в качестве достойной для себя партии: безупречные манеры, огромное состояние, высокое положение в обществе – его отец приходился кузеном великому князю Сергею Александровичу.

Так роль Ларисы досталась Мари.

Мари принялась читать и перечитывать пьесу. Каждый день в послеобеденное время, когда все в доме отдыхали в своих комнатах, девушку можно было застать на скамейке в тени старого дуба, ее любимом укромном месте, с томиком в руках.

Так, одним прекрасным июньским днем, она снова устроилась под дубом для того, чтобы перечитать отрывки из пьесы и выучить свой монолог. Было очень душно. Облака сбегались, чтобы водить свой хоровод прямо над дубом, и свежий ветерок гнал их то в одну, то в другую сторону. Они темнели, и было ясно, что вот-вот пойдет дождь. Мари понаблюдала за облаками и принялась читать дальше. Дождь уже шел, падая крупными каплями на сад, дом, деревья, еще такие свежие, июньские. Благоухание роз и липового цвета с началом дождя стало еще более ощутимым. Мари не оторвалась от своего чтения, напротив, под старым дубом ей было так уютно, что она полностью, всем своим естеством, погрузилась в чтение, попеременно то вставая, то садясь, встревоженная тем или иным чувством, для того, чтобы порепетировать свою роль.

И вот она стояла, читая монолог Ларисы «Я вещь...». И жалко ей было Ларису, и не могла она понять это ее «...я не нашла любви, так буду искать золота». Как можно было так разочароваться в любви, в жизни? Ведь жизнь так прекрасна, удивительна, а любовь – она есть... и надо только молиться о том, чтобы Господь послал человека, предназначенного именно тебе. Искать любовь? Это неправильно, так... так не надо! Она сама тебя найдет.

Рассуждая так, Мари вспомнила о своей бабушке, которая с детства учила ее, что каждой девушке Господом предназначен один, подходящий именно ей муж. Однажды, когда ей не было еще и восьми лет, маленькая Мари пришла по своему обыкновению поговорить с бабушкой по душам в библиотеку, где женщина проводила много времени, уселась к бабушке на колени и задала по-детски наивный вопрос, которым задаются многие девочки и девушки: «А

у меня будет хороший муж?» Бабушка посмотрела на девочку из-под своих очков, улыбнулась и подошла к зеленому круглому столику, на котором лежал ее старый кожаный очешник.

– Марьюшка, подай мне книгу со сказками Одоевского, – сказала бабушка.

Мари нетерпеливо подошла к полке и взяла с нее книгу, которую велела дать ей бабушка. Ей было обидно, что вместо того, чтобы ответить на такой серьезный вопрос, бабушка хочет читать ей сказки, как маленькой, хоть это и были ее любимые. Она расстроилась, но, так как ее воспитание не позволяло ей перечить старшим, ничего не возразила. Бабушка же взяла книгу и на глазах у изумленной внучки попыталась положить книгу в очешник, который, конечно, не смог закрыться.

– Кажется, не подходит. – Женщина улыбнулась. Затем она сняла перстень с камеей со своих тонких аристократичных пальцев, положила его в очешник и потрясла им. Было слышно, как перстень болтался внутри. – Снова не подходит, – со вздохом сказала она. Наконец, бабушка сняла свои очки и положила их в футляр. Очки располагались в нем идеально: подложка из темно-красного бархата поддерживала их так, что они не выпадали даже при открытом очешнике, если его перевернуть. Гравировка инициалов на обоих предметах совпала. Бабушка закрыла очешник и сказала: – По-моему, они созданы друг для друга. Согласна, девочка моя?

Мари кивнула.

– Так и тебе Господь пошлет в свое время «твоего» мужа. Того, которому ты предназначена. Вы созданы друг для друга и встретитесь в нужное время. Нужно только молиться об этом и полагаться во всем на Господа.

С тех самых пор Мари никогда больше не переживала о том, каким будет ее муж. Она знала, что Господь, как любящий отец, позаботится о ней и пошлет ей того самого человека.

Мари вернулась к «Бесприданнице». «А все-таки как могу я играть Ларису, если у меня совсем нет понимания всех ее переживаний, всего этого обмана?» – думала она. Выросшая в семье, где родители любили друг друга ничем не омраченной, настоящей, деятельной любовью, ей было невдомек, что может быть по-другому. Ей шел пятнадцатый год, и своих собственных романтических переживаний у нее еще не было.

Дождь закончился. Порывистый ветер сдувал с листьев старого дуба крупные капли, которые падали прямо на книгу, и слова монолога расплывались перед глазами Мари. Монолог был почти выучен, оставалось только прочесть его с чувством, так, будто она, Мари, и есть Лариса, будто все эти сомнения ей знакомы, будто не верит она уже в хорошее.

«Я любви искала...» – проговорила Мари, глядя вдаль, с холма, на котором стоял старый дуб, через реку, которая была внизу, на поле, где, бывало, бегала она в детстве, босая и беззаботная. Прямо сейчас перед ее глазами пронеслась картинка: вот она убежала от мамы и спряталась за повозкой, в которую был запряжен Капитан, вот мама ее нашла и дает ей поесть клубнику из сада. Вот они в лесу с Евдокией: пахнет жарой, земляникой и свежескошенным сеном, которое еще не успели убрать... А вот уже они с мамой возвращаются после праздничной службы в церкви наперегонки домой, где папа встречает их, выходя из своего кабинета, треплет ее, Мари, за плечо и грозит ей пальцем за то, что давеча спряталась от мамы в леднике⁵ и чуть не окоченела. Хорошо, что Аксиныя полезла в ледник за мороженым и смогла обнаружить девочку.

«Я любви искала...» – снова повторила Мари, более настойчиво обозначив самой себе, что пора вернуть свои мысли к монологу.

Вдруг она вскрикнула от неожиданности. Прямо над ее плечом пролетел бумажный жаворонок и спланировал, приземлившись в свежую лужицу. Девушка почувствовала, что за ее

⁵ Ледник – погреб со льдом или снегом; специальный шкаф, помещение со льдом для хранения скоропортящихся продуктов.

спиной, буквально в паре шагов, кто-то стоит. «Так вы теперь, стало быть, ищите любви?» – спросил приятный низкий мужской голос. Это был такой голос, обладатель которого будто все знает, будто имеет какую-то власть.

Мари замешкалась, не решая обернуться, пытаясь вспомнить, чей же это голос. Она слышала его еще в детстве, но в ту пору он был голосом десятилетнего мальчика. Выйдя вперед, безупречно красивый статный юноша лет двадцати встал перед ней. Серые глаза его смотрели прямо на девушку, отчего она покраснела и смутилась.

– Не помните меня? – усмехнулся он. – А ведь мы с вами запускали таких жаворонков вон на том лугу. Правда, это было очень давно...

– Митя... Ах, как же я не догадалась! Катенька говорила мне на днях, что вы должны приехать в Аннино... – рассеянно, будто после сна, проговорила Мари. – А мы... мы готовим «Бесприданницу». Пойдемте, я провожу вас в гостиную, скоро уже будут пить чай.

Глава 6

Войдя в гостиную, Мари с Митей стали по очереди подходить к кружкам собравшихся. Поздоровавшись с Катериной и ее супругом Виктором, они приблизились к Василию Алексеевичу Кольцову, который приехал в Нижегородчину с целью продажи своих имений. Некоторое время уже ездил он по стране, продавая то тут, то там свои земли в отдаленных уголках, чтобы все вырученные от продажи деньги вложить в развитие родного города, находящегося в Харьковской губернии. Его стараниями в городе была выстроена библиотека, больницы и школы, дороги, мосты, участки почтово-телеграфной связи, ветеринарные и агрономические пункты, музей. Уезд стал вторым по темпам развития в империи после московского.

– Странный тип, – хмыкнул Митя, когда они отошли от Василия Алексеевича. – С его деньгами можно было бы жить в Петербурге на широкую ногу, путешествовать по Ниццам и Италиям.

Мари ничего не ответила на это. Своей заботой о людях Василий Алексеевич был ей симпатичен. А она была симпатична ему. Очевидно, именно поэтому он и задержался в этих краях, хотя ему давно было пора уезжать. После разговора с мамой Марии, которая дала понять, что ее дочь слишком молода еще для замужества, он, не надеясь сделать ей в ближайшее время предложение, все же под разными предлогами приходил в гости к Ранневым, чтобы хотя бы полюбоваться похорошевшей, в своей самой весенней юности, девушкой.

– Mitya, mon cher, – поздоровался смешной толстенький иностранец с азиатским разрезом глаз, который придавал его добродушному лицу насмешливо-хитрый вид. – Comment-allez vous?⁶

Митя ответил на безупречном французском, что дела его идут лучше некуда и предложил своему старому знакомому перейти на английский. Заговоривший с ним Скотт с удовольствием согласился: оба языка были для него родными. Наполовину японец, наполовину британец, выросший во Франции, он, талантливый парфюмер тридцати пяти лет, уже пару лет жил в Москве, будучи приглашенным экспертом на предприятии Ралле, где занимал должность технического директора. Они не раз пересекались с Митей у своих общих знакомых, Хладовых, староверов, купцов и меценатов. Сам Митя тоже происходил из старой купеческой семьи. Когда-то его дед был крепостным, а вот отец был уже совершенно свободным человеком и железной рукой правил огромным состоянием. Детей у отца было много, и Митя был последним из сыновей, а потому в делах предприятия не участвовал. В средствах он был несколько стеснен: прижимистый отец воли сыну не давал, что, впрочем, не мешало Мите вести образ жизни, свойственный представителям золотой молодежи. После небольшого small talk⁷, приличного обстановке, Митя обернулся к Мари и предложил:

– Исполните для нас свою любимую вещьцу?

Мари села за фортепиано и начала играть *Fantasia-impromptu* Шопена. Когда она окончила, Митя присел рядом с ней за инструмент и предложил сыграть вместе что-нибудь из романсов Чайковского.

Оба блестяще музицировали. Так как у младшего брата Мари, Сережи, еще в возрасте пяти лет открылся талант к музыке, вот уже несколько лет подряд в Москве к ним ежедневно приходил учитель из консерватории. Мари не была сильна в технике, но то, что касалось чувства музыки, эмоций, было ее сильной стороной, а потому ее игра всегда трогала слушателей.

– Знаете, я ведь чуть не поступил в консерваторию тайком от родителей, – сказал Мари покрасневшийся от игры и последующих за ней оваций Митя.

⁶ Как ваши дела? (фр.)

⁷ Small talk – легкая беседа, светский разговор

– А сейчас вы...?

– Я студент юридического. Но в душе вольный художник. Искусство – моя любовь!..

– Вы не будете против, если я нарисую ваш портрет на этой чудесной веранде? – Митя выглянул из окна.

Чай у Ранневых пили долго, неспешно. Летом было принято подавать его на веранде, но из-за дождя на этот раз накрыли в гостиной.

* * *

Лето было беззаботным и веселым. Целыми днями в Н-ском собирались гости. Бегали на *pas de geant*⁸, играли в прятки, в «палки» и в крокет, слушали музыку, читали вслух произведения Чехова и Горького.

Каждый день до чая собирались в гостиной, чтобы репетировать пьесу. Нередко для репетиций собирались только те, у кого были главные роли: Мари (Лариса), Митя (Паратов), Кольцов (Кнуров), Скотт (Карандышев).

– Да отпустите вы уже руку Мари, – говорила Екатерина Алексеевна Скотту, который, каждый раз приближаясь к Мари для того, чтобы по роли поцеловать ее ручку, надолго замирал и застывал, будто пораженный молнией.

По воскресеньям все вместе, кроме Скотта (он был католиком), ходили в Пустынь к обеду. Скотт, будучи гостем Владимира Андреевича, в это время оставался в библиотеке, где ожидал возвращения своего друга. «Очень умный, приятный мужчина, – отзывался о нем глава семьи Ранневых, – а все же он иностранец. И поэтому...» – Тут он многозначительно поднимал палец вверх и прищуривался, что означало: каким бы хорошим человеком ни был или казался Скотт, с ним нужно держать ухо востро.

* * *

Однажды утром, после завтрака на веранде, Митя попросил Мари и ее гувернантку задержаться, чтобы Мари могла позировать ему для портрета. Он хотел, чтобы она сидела за столом, с чашками чая перед ней, с дымящимся самоваром и с бубликами, пышками и печеньями, лежащими на столе в розетках и плетеной хлебнице. И чтобы непременно пила чай из блюдца.

– Уж не хотите ли вы, чтобы я еще и надела сарафан с головным убором, как купчиха на картине Маковского? Чтобы мне быть ее комплекции, придется съесть по целой горе бубликов каждый день, – пошутила Мари.

Митя вспыхнул, бросил на девушку полный гнева взгляд и выбежал с веранды. В вопросе Мари он увидел намеренное напоминание о его купеческом происхождении, которое было большим для его самолюбия. Он не появлялся в Н-ском несколько дней подряд, и Мари даже сомневалась, смогут ли они еще раз отрепетировать их диалог до постановки, да и вообще, будет ли теперь постановка.

Но в назначенный для спектакля день Митя все же приехал. Он вел себя как ни в чем не бывало, много шутил и отпускал Мари комплименты. Правда, общение между ними уже не было прежним: хоть Мари и было с ним интересно, и многое сближало их, все же она не могла уже чувствовать себя с ним спокойно и избегала разговоров на любые темы, не желая чем-то обидеть его чувствительную натуру.

Постановка имела оглушительный успех, если так можно выразиться, ведь зрителей на этом представлении было чуть ли не меньше, чем выступающих. Все соседи были приглашены

⁸ Снаряд для гимнастической игры – столб, на котором укреплен крутящийся круг с привязанными к нему веревками, оканчивающимися петлей, садясь в которую и отталкиваясь от земли, вертятся кругами, поднимаясь высоко над землей.

на спектакль, а кроме них приглашена была также Зина, подруга Мари, которая проводила лето с семьей в подмосковной Малаховке. Зина приехала в Н-ское на неделю в сопровождении своей старшей сестры Сони и мужа Сони, Николая.

* * *

На следующий день после спектакля молодежь собралась ранним утром для небольшого байдарочного похода. Планировали сплавляться по Сереже одним днем, от Пустыни до села Новошино, после чего пересесть на автомобили, которые будут ждать их там, и вернуться домой уже по суше. Мари была в байдарке вместе с Катериной и Виктором, Скотт, Митя и Василий Алексеевич – во второй, а в третьей были Зина, Соня и Николай.

Сплав проходил очень весело: пели русские народные песни, по очереди декламировали стихи, рассматривали красоты природы. Знатоки говорили, что Сережа была самой чистой рекой губернии и, возможно, всей империи, хотя последнее было, скорее, преувеличением. Крестьянки, полоскавшие белье на лаве, и то и дело попадавшие на берегах босоногие ребята приветствовали байдарочников. Погода была чудесная. Дул приятный летний ветерок, развевающая ленты на шляпках девушек. От быстрой воды пахло свежестью и прохладой. Впереди шел Виктор: он был в этом деле профессионалом и к тому же хорошо знал местность. Примерно в полдень вся компания сделала перерыв для отдыха и обеда, после чего путь был продолжен.

Мари было хорошо видно байдарку «Паратова», «Карандышева» и «Кнурова». Митя с Василием Алексеевичем о чем-то оживленно спорили, после чего замолчали и всю дорогу даже не смотрели один в сторону другого.

Байдарки были уже совсем недалеко от конечного пункта, когда подул сильный ветер, тучи сгустились и начал капать мелкий дождик. Он спокойно накрапывал на веселую компанию, которая шутила и радовалась тому, что хоть какие-то приключения встретились на их пути.

– Скоро закончится, – глядя на небольшую тучку, констатировал всезнающий Виктор.

Пока же дождь все усиливался. Уже не капал, но лил так, что через какое-то время воду можно было уже вычерпывать из байдарок. Река выглядела зловеще. В том месте, где они проходили, было сильное течение, из-за дождя реку было плохо видно, и Виктор не успел вовремя подрулить, проходя мимо большой коряги, так что байдарка сильно натолкнулась на дерево. К счастью, все обошлось. Через полчаса дождь действительно закончился. Все промокли до нитки и порядком замерзли, поэтому, издали увидев Новошино, очень обрадовались. Высадившись на берегу, девушки пошли в сторону леса, чтобы переодеться в сухую одежду, которую предусмотрительная Елена Алексеевна положила им с собой в узелок, а мужчины остались рядом с байдарками.

Берег реки здесь был очень высоким и крутым. На берегу стоял старый дуб, к которому была привязана тарзанка.

– Давайте прыгать! Веселее развлечения не придумаешь, – сказал раздевшийся по пояс Виктор.

Он взял тарзанку в руки, раскачавшись, прыгнул с обрыва и отпустил ее, вытянувшись в струну. Вынырнул он не сразу: какое-то время по воде шли круги, и все уже начали переживать. Митя и вовсе отвернулся, будто боялся смотреть туда. Когда Виктор вынырнул, довольный своим успехом, другим захотелось повторить этот прыжок. Скотт – хоть никто и не ожидал этого от мужчины его комплекции – оказался очень неплохим прыгуном. Он подогнул к себе толстенькие ножки и прыгнул «бомбочкой». Выйдя из воды, он с хитрой улыбкой пожал руку поприветствовавшему его успех Мите.

– Et vous...?

– Он не умеет, – усмехнулся Василий Алексеевич.

Митя действительно ни разу не прыгал. Несмотря на то, что, казалось, будто у него всегда все в жизни получалось, он не умел купаться, а воды и вовсе боялся.

Было что-то первобытное в этих состязаниях. Словно аборигены с необитаемого острова, а не люди высшего света, стояли они на берегу, ожидая каждый своей очереди. Соревновательный дух овладел ими, и каждый хотел показать себе и другим, на что способен.

Когда Василий Алексеевич сделал прыжок, у всех захватило дух: он очень сильно раскачался и взлетел так высоко, а потом так стремительно и красиво ушел вниз, что все остальные невольно зааплодировали, и стало ясно, кто заслуживает главный приз.

Митя тотчас же решил повторить этот успех. Нет, никто не может быть лучше его! Тем более этот человек. Точь-в-точь как Василий Алексеевич, он стал раскачиваться на тарзанке и собирался уже было отпустить ее, чтобы взмыть вверх, но, не успев сделать это вовремя, качнулся обратно к дереву. Удар о ствол был очень сильным. Митя отпустил тарзанку и упал вниз.

* * *

Виктор наскоро сделал Мите перевязку. По возвращении в Н-ское Владимир Андреевич, врач по профессии, констатировал, что у Мити была сломана правая рука. Ранневы настояли на том, чтобы Митя на какое-то время, до выздоровления, задержался в Н-ском.

Глава 7

Двадцатого июля⁹ тысяча девятьсот четырнадцатого года император Николай II в Георгиевском зале Зимнего дворца зачитал манифест об объявлении войны с Германией.

О вступлении России в войну Владимир Андреевич узнал из телеграммы, пришедшей в тот же день от его сослуживца из Петербурга. За ужином он сообщил новость всем домашним. На следующий же день они смогли прочесть в газетах текст манифеста, где в числе прочего говорилось следующее:

«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага».

Все в доме изменилось, привычная жизнь будто застыла. Прекратились игры, перестал звучать смех. Вместо *pas de geant* все больше читали газеты, обсуждали новости.

Все одобряли обещание государя, что мир не будет заключен, пока последний враг не будет изгнан с земли русской.

Катерина Алексеевна, тоже бывшая в тот момент в Петербурге, была в восторге от единения русских людей в момент, когда император вышел к народу после зачитывания манифеста. «Многотысячная толпа при виде царской четы опустилась на колени. Раздались величественные звуки “Боже, Царя храни”. Меня это тронуло до слез», – писала она Елене Алексеевне.

Новость о Второй Отечественной войне обсуждалась в доме Ранневых всеми, от мала до велика, включая слуг. Больше всего, казалось, новость эта будоражила Митю: он не мог ни говорить, ни думать ни о чем другом и сетовал на то, что может не успеть повоевать, ведь у него травма, а война, он уверен, не позднее чем к Рождеству закончится. В скорое окончание войны верили все: Владимир Андреевич с Виктором соглашались в том, что Россия, Англия и Франция принудят Германию через три-четыре месяца к миру. Василий Алексеевич ждал «разгрома тевтонов», а Скотт – «федеративной Германской республики».

Георгию, который в начале августа отправил из Парижа к именинам Мари подарки и письмо, Мари отвечала следующее:

«Здравствуйте, друг мой!

Ваше письмо и подарки пришли точь-в-точь к именинам! Как же это получилось у Вас так верно все рассчитать?

И зонтик, и перчатки – все мне очень подошло. Не зря говорят, что во Франции понимают в моде.

Митя Стрепетов сломал руку и гостит у нас сейчас в Н-ском. Помните ли Вы его? Он очень славный и добрый, и сделался мне почти как брат. Митя – студент юридического и поэтому, наверное, частенько ругает наше государство и что-то все толкует про революцию. Папа думает, что студенты сейчас все такие, мода у них такая, говорит... Мы четвером, вместе с Катериной и Виктором, частенько играем в шарады вместе, и это бывает очень весело. Смеемся тогда так, что щеки болят. Нянюшка потом приходит и долго ахает, что не к добру это, не к добру столько смеяться.

⁹ 2 августа по н. ст.

Но до чего же нам это дело нравится! Точнее, смеялись... Сейчас до смеха ли. Какое это горе, война! Ни о чем не могу другом думать. Кусок в горло не лезет, когда подумаю о том, что кто-то голодает, страдает... Что же это будет? И как могут люди убивать друг друга, за что?

Я мечтала бы учиться на курсах сестер милосердия, как моя подруга Зина, чтобы помогать раненым, но матушка говорит, что я пока слишком юна и не гожусь к такой работе... Чтобы быть хоть сколько-нибудь полезными фронту, мы вчетвером – я, матушка, Лиза (наша белошвейка) и Евдокия – шьем одежду для солдат. Я пока шью не очень хорошо, большие вышиваю, а у Евдокии получается прелестно, ее Лиза уже успела обучить. Мы с Евдокией снова проводим много времени вместе, это такая отрада для меня!.. Она – моя родная душа, сестричка моя. Мы с ней будто одно и то же, возвращенное в разных условиях. А может, и не в разных. У нас ведь одна на двоих Россия, одна на двоих вера...

Рада слышать о Ваших успехах на службе.

Ах, Дягилев! Мечтала бы я посмотреть и “Золотого петушка”, и другие его постановки! Рада, что у Вас получилось на него сходить.

Митя написал мой портрет, и он вышел очень красивым! Не могу сказать, что “я вышла очень красивой”, ведь эта девушка на картине гораздо красивее. Она больше похожа на Катерину, чем на меня. Интересно, как по-разному видят нас другие люди!..

Ну, на этом прощаюсь. Сейчас время чая на нашей солнечной веранде».

* * *

Через пару недель Мари получила в ответ длинное письмо от Георгия с рассуждениями о войне и судьбах России и мира, где, помимо прочего, было написано следующее:

«Хотел бы и я быть Вам как брат. К сожалению, не получилось этого, друг мой. Как Вам, может быть, стало известно от сестры Вашей, мой дядя поставил условием женитьбы на Катеньке то, что прежде я три года пробуду в Париже. Когда я сообщил ей об этом, она сказала, что ждать так долго не желает. К счастью, на ее судьбу такой поворот событий не повлиял: слышал от сестренки своей, что Катенька очень счастлива с Виктором. Ну, а я надеюсь когда-нибудь стать счастливым тоже. Хотя сейчас на уме у меня только карьера».

Глава 8

Апрель 1916 года

– Вот и твой черед пришел, сынок. Служи честно, возвращайся живым и здоровым. – Агафья заплакала.

– Я же не один иду, со мной Василий Берсенев. Не плачь, мама, буду стараться, как тятя, – утешал Николай мать.

– Я вот собрала для тебя. – Агафья положила перед сыном узелок, пахнувший его любимыми пирогами. – Яичек положила тоже. Похристосуешься там с новыми знакомцами.

Жалобно, протяжно завыл колокол. Раздалось несколько ударов: тяжелых, гулких, грозных.

– Да что же это, по ком звонит? – Всплеснула руками Агафья.

– Не по ком. Светлая седмица же, звонят все кому не лень¹⁰. Чай, не Никитка наш, который звонарь от Бога. Не умеют эти. Смех один, – отозвалась из угла младшая дочь Агафьи Анна. Рыжий кот, мурлыкавший у ее ног, стал тереться о юбку Агафьи, выпрашивая угощение, но женщина не обращала на него никакого внимания.

Она облегченно вздохнула, вспомнив, что сейчас и правда все без конца залезают на колокольню, но плохое предчувствие не покидало ее. А что если не вернется Колей с войны, как муж? Ну так на все воля Божья. Что поделаешь.

– Да иди же ты, Васька! До тебя ли сейчас? Брысь, вон молоко в миске твоей, еще с утра не доел, – запричитала Агафья, а сама пошла в чулан, чтобы дать коту небольшой кусок оставшегося от обеда мяса. На Светлой неделе в деревне кушали вдоволь, даже если до этого и после приходилось голодать.

Николай мялся в дверях. Было видно, что он хочет еще что-то сказать.

– Мама, хочу Евдокию просить ждать меня, пойду в Пустынь. Их же вроде бы отпускают из епархиального¹¹ на Светлой?

Давно заподозрила Агафья, что сын был крепко влюблен в Евдокию, но не ожидала, что все же решится сын подойти к этой девушке, которая здоровалась-то с ним через раз. Столько невест за ним было в деревне! Лиза Медведева – уж на что красавица. А Вера Берсенева, сестра Василия, друга Николая – работящая девка, смышленная, дородная. На сенокосе быстрее всех, наравне с мужиками.

– Нет ее, сынок, дома. Вчера Андревна сказала, что она еще не вернулась из Павлово. – Агафья точно не знала, приехала Евдокия или нет. «Но ходить сейчас к ней Николаю ни к чему», – думала она.

Николай сдвинул брови, снял и снова надел картуз, пригладив волосы. «Не сейчас, так позже. Скоро вернусь», – подумал он.

– Ну, храни тебя Господь. – Агафья перекрестила сына, сунула ему в руку маленькую иконочку Николая Чудотворца и, с глазами, полными слез, показала рукой, мол, иди. Сын бережно положил иконку в карман рубахи и вышел.

В избу влетел свежий апрельский воздух, наполненный запахом первоцветов, согретых солнцем, пением вернувшихся из теплых краев птиц. Природа уже совсем проснулась после долгого сна. Пахло влажной землей, отдохнувшей за зиму и ждущей посевных работ. Агафья подошла к дочери и обняла ее.

¹⁰ На Светлой седмице (неделе) звонить в колокола в храмах разрешалось всем желающим.

¹¹ Имеется в виду епархиальное училище в г. Павлово для девиц из семей духовенства. В такие училища отправляли учиться девочек 10–12 лет. Обучение длилось 6–7 лет.

– Одни мы с тобой остались, Анна. – Она была близка к тому, чтобы разрыдаться, но какая-то сила удержала ее от этого. Было слышно, как кто-то, здороваясь с увиденным на другой стороне улицы односельчанином, прокричал «Христос Воскресе». «Воистину Воскресе», – отвечал другой голос.

«Вернется», – подумала Агафья.

Глава 9

Из гостиной слышался девичий смех и разговоры. Мари и Евдокия вышивали. Для отправки на фронт было решено подготовить платочки, рубахи, теплую одежду. Разговоры девушек были похожи на общение человека с самим собой: одна только подумала – другая уже сказала. Им хотелось обсудить все на свете и часто бывало так, что они переходили с одной темы на другую и потом, расставшись, все припоминали недоговоренности, недосказанности, думая, что к разговору о том-то и том-то надо бы вернуться. Возвращались, однако, редко: хватало и других тем.

– Ты когда-нибудь видела, как цыгане пляшут? – вдруг спросила подругу Мари. – Мы на прошлой неделе были на ярмарке с матушкой, и там была одна молодая цыганка, такая красивая! Вся в браслетах и кольцах, плечи голые, смуглые, сережки такие с пол-лица – ух!.. А мама мне все: «Только не смотри в глаза, не смотри в глаза...» А мне до жути посмотреть хотелось! Глянула в эти зеленые глазищи – а они куда-то в самое нутро смотрят и насквозь все видят. Она мне тут же и говорит это их обыкновенное: «Позолоти ручку, всю правду расскажу». Я быстрее отвернулась, маму за руку дергаю, пошли, мол. Ну, мы и завернули в суконную лавку. А теперь все думаю, увидеть бы ее еще разок! Посмотреть, как поет, танцует. Красиво, наверное!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.